

также внимания параллельность двух рассказов о верных женах в сербской Александрии, истории возлюбленной Ахилла Поликсены, включенной в эпизод посещения Александром Трои,<sup>9</sup> и совершенно неизвестной по другим источникам истории о верности Роксаны. Не восходили ли эти два сходных рассказа к одному источнику — какому-либо сказанию о «добрых женах?»<sup>10</sup>

Если происхождение ряда своеобразных черт сербской Александрии неясно, то гораздо более понятна их литературная функция. Западные Александрии, восходившие, как и греко-славянский роман, к Псевдокаллистену, не воспевали верной любви Александра и Роксаны, не рассказывали они и о посещении Александром загробного царства; но оба этих мотива — в составе иных сюжетов — были отлично известны западной средневековой беллетристике.

Хождение в царство мертвых было чрезвычайно популярной темой уже в античной литературе — оно описывалось, например, в «Одиссее», в «Энеиде», у Овидия и других авторов. Мотив посещения загробного царства (ада) получил еще большее распространение в христианских легендах средневековья и прежде всего в таких апокрифических памятниках, как «Хождение богородицы по мукам» и «Видение апостола Павла». Оба эги апокрифа уже в XI—XII вв. появились у греков и южных славян; не позднее XIV в. они проникли и в русскую письменность.<sup>11</sup> Но рассказ о путешествии Александра в загробное царство мало походил на эти христианские легенды: там путешествие в ад совершали богородица, архангел Михаил или апостол Павел; главным содержанием рассказа было описание адских мук и рассказ о милосердии Пречистой; здесь в царство мертвых спускался смертный человек, встречавший таких же смертных людей, как он сам, и расстававшийся с ними с тем, чтобы когда-нибудь снова прийти к мертвым — уже навсегда. Обитатели пещеры мертвых в Александрии — это не абстрактные грешники, а реальные люди, знакомые герою романа, — судьба их поэтому особенно интересна для читателя.

Все эти черты существенно отличали рассказ Александрии от греко-славянских «Хождений»<sup>12</sup>. Они сближали его зато с рядом западных легенд, где герои также были смертными людьми, посещающими царство

<sup>9</sup> См. Приписка о Александру Великом у старой сербской книжности Критички текст и расправа од Ст Новаковића II отдельне гласника Спрског ученог друштва књѣ IX, Београд, 1878, стр 39, Александрия, стр 23. О возлюбленной Ахилла Поликсене повествовал популярный в средние века фантастический «Дневник» Диктиса (Dictys Cretensis Ephemeridos belli Trojani libri Herausgeg W Eisenhut, Leipzig, 1958, III, 2 и сл.), но мотив верности Поликсены Ахиллу известен только по житию Аполлония Тианского, написанному Филостратом (А Н Веселовский. Из истории романа и повести, вып II, Славяно-романский отдел — СОРЯС, т XLIV, № 3, СПб, 1888, стр 89).

<sup>10</sup> К сожалению, единственный известный нам греческий памятник XVI в. такого характера — «История о добрых и злых женах» Ц Вентрамоса (изд В Кнос — «Ελληνικά», т 14, 1955, I, стр 123—157) — среди «добрых жен» упоминает только христианских святых.

<sup>11</sup> См. Н К Бокадоров. Легенда о хождении богородицы по мукам — Изборник Киевский, посвященный Т Д Флоринскому, Киев, 1904, стр 41—81.

<sup>12</sup> Некоторую аналогию к сцене посещения Александром ада представляют несколько назидательных легенд о посещении ада, где люди видят свою будущую судьбу или судьбу своих близких (ср Памятники старинной русской литературы, вып 1 СПб, 1860, стр 99—110). Мы оставляем здесь в стороне пародийное решение темы «хождения в ад», данное (вслед за Аристофаном и Луккианом) в анонимном диалоге XII в. «Тимарион» (ср Византийский временник, т VI, М, 1956 стр 357—386).